

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

СТАЛИН И ЭНГЕЛЬС: ЗАБЫТЫЙ ЭПИЗОД КАНУНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук, профессор.

Исследователи жизни Сталина и историки событий, предшествовавших началу Великой Отечественной войны, не замечают одного доступного источника того времени. Это номер журнала ЦК ВКП (б) "Большевик" за май 1941 г. В "теоретическом и политическом органе" "партии Ленина-Сталина" (такое определение дал партии того времени А.А. Жданов на ее XVIII съезде в марте 1939 г.) напечатана работа И.В. Сталина «О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма"». Номер подписывался в печать 18 мая 1941 г. До 22 июня оставалось чуть больше месяца.

В конце 1930-х годов Сталин выступал в печати не часто. Многие, что говорил вождь советского народа, не публиковалось ни тогда, ни много позднее при его жизни. Но данная статья увидела свет. Она известна научной общественности, как и факт того, что Сталин не раз полемизировал с Энгельсом. На публикации обозначена дата - 19 июля 1934 г. На архивной копии документа карандашом Сталина есть и зачеркнутое слово "апрель". Зачеркнута также фамилия В.В. Адоратского среди тех, кому следовало разослать документ [2]. Видимо, Сталин какое-то время, с апреля по июль 1934 г. колебался, не спешил направлять письмо адресатам - членам Политбюро, до тех пор, когда откладывать решение вопроса о публикации статьи Энгельса было уже нельзя.

Факт непростого отношения Сталина к Энгельсу известен, и в мои намерения не входит рассмотрение его. Добавлю лишь, что помимо известных исследователям данных в архивных фондах ряда соратников Сталина 1930-х годов попадают записи или пересказ устных замечаний Сталина об Энгельсе негативного плана [3]. Но эти случаи имели место в узком кругу доверенных лиц - не под стенограмму. Весной 1941 г. Сталин решает обнародовать несогласие с классиком марксизма, то есть идет на шаг, на который не решился в 1934 г.

Очевидно, у него были какие-то значимые мотивы для того, чтобы "вынести сор из избы". И эти мотивы могли бы привлечь к себе внимание историков к факту обнародования в мае 1941 г. спора Сталина с Энгельсом, к связи содержания статьи с тем, что произошло в последующие недели. Но этого, в сравнении, скажем, с Заявлением ТАСС от 13 июня 1941 г. ("Заявление" было зачитано по радио 13 июня в 18-00, а на следующий день появилось в центральных газетах) [4] или выступлением Сталина на приеме в Кремле выпускников военных академий 5 мая, не произошло [5]. Д. Волкогонов, например, в книге о Сталине статью последнего по поводу названной работы Энгельса упоминает без связи с 1941 г, [6].

Причин такого положения может быть несколько. Обстановка, естественно, могла заслонить публикацию Сталина от внимания современников. Не исключено, что события задержали распространение тиража. Но даже если это так и о статье в 1941 г. почти никто не знал, для моих целей это не существенно. Важнее понять намерения Сталина при публикации этого текста именно в этот момент истории, а также установить, следует ли ее привлекать в качестве части корпуса данных, используемых при анализе кануна трагедии лета 1941 г.

Приведу основания, позволяющие факту публикации Сталина придать именно такое значение. В ней затронуты проблемы, связанные с надвигавшейся угрозой. Публикация в "Большевике" содержит два самостоятельных сюжета: собственно статью Ф. Энгельса 1870-х гг. и комментарий Сталина к ней, сформулированный в 1934 г. И в первой части, и во второй есть суждения как о внешней политике России XIX в., так и об общих проблемах внешней политики, о динамике возникновения военного конфликта. То есть и содержание статьи Энгельса, и суждения Сталина по поводу поставленных Энгельсом проблем в этом смысле затрагивают актуальные в мае 1941 г. аспекты разворачивавшихся событий.

Мотивы, подвигнувшие Сталина на то, чтобы сделать точку зрения руководителя СССР на данную статью достоянием партии, заинтересованных наблюдателей, подсаживавшие Сталину актуальность освещения этих проблем, весьма существенны. Не касаясь пока содержания его полемики с Энгельсом, выделю наиболее очевидное - сам факт такой публикации. Она обращена, во-первых, к обычному кругу читателей журнала "Большевик". Число подписчиков на него в рассматриваемом номере обозначено в 550 тысяч: партийный актив, идеологические работники, советская интеллигенция (обычно обозначавшаяся в это время прилагательным "новая", советская, народная). Очевидно, Сталин полагал, что думающие люди в СССР не могут не задавать себе вопроса об обоснованности внешнеполитического курса СССР в обстановке явного приближения военного конфликта. Этой аудитории Сталин считал полезным предложить свое обоснование генезиса войн. В этом смысле статья в майском номере "Большевика" - своего рода заявление ТАСС от 13 июня 1941 г., только нацеленное на более узкую, более подготовленную аудиторию граждан СССР. Текст 1934 года, очевидно, представлялся ему вполне соответствовавшим для возникшей весной 1941 г. ситуации. Можно предположить, что в этой обстановке полемика с Энгельсом служила Сталину обоснованием проводившейся им политики. Сталину было нужно, чтобы его полемика с Энгельсом по проблеме внешней политики России XIX в. и возникновения военного конфликта стала достаточно широко известной, более того, чтобы она не осталась незамеченной, возможно, и в столице германского рейха (в СССР слово вождя в то время активно тиражировалось). В условиях жесткой цензуры предвоенного времени открытая пресса изучалась зарубежными дипломатами. Правда, у меня нет данных о том, что германское посольство в Москве или эксперты по СССР в рейхе знали о публикации в "Большевике". Во всяком случае, на Гитлера полемика Сталина с Энгельсом не повлияла, его решение было принято.

Содержание полемики двух "марксистов" многопланово. Темы оценок внешней политики царской России во второй половине XIX века я не касаюсь, как и сюжетов истории и теории внешней политики, могущих быть предметом отдельного рассмотрения. Не касаюсь я и критики Сталиным Энгельса в контексте внешнеполитической ситуации 1934 г. и проблем генезиса первой мировой войны, окраски сталинских оценок внешней политики России в конце XIX и начале XX в., легким "патриотизмом", поведения революционных партий в связи с угрозой войны и с войной т.д. Мое прочтение контрверзы Сталин - Энгельс затрагивает лишь контекст 1941 года.

Сталин ведет научный (в его понимании) спор с Энгельсом, прежде всего, о а) механизмах формирования внешней политики и принятия решения о начале войны и б) о генезисе военного конфликта. Затрагивались и другие вопросы, коррелирующие с событиями 1941 года: соперничество Германии и Англии, проблема черноморских проливов, российско-германские отношения. В обстановке надвигавшейся на СССР угрозы большой войны суждения Сталина были попыткой марксистского, то есть научного (для Сталина и его окружения эти понятия были синонимами) анализа конкретной ситуации. И еще более узко: принятия решения о возможности столкновения держав. В мае 1941 г. этим обстоятельством и было, скорее всего, продиктовано решение обнародовать полемику 1934 г. с Энгельсом.

Представляется, что наиболее беспристрастно сумел оценить суть проводившейся Сталиным в эти недели (и месяцы) линии видный советский разведчик того времени

П.А. Судоплатов. "...по словам Берии, Сталин и Молотов решили по крайней мере оттянуть военный конфликт и постараться улучшить положение", свидетельствовал он. Сталин с раздражением относился к разведывательным материалам, "...вместе с тем он стремился использовать их для того, чтобы предотвратить войну путем секретных дипломатических переговоров по территориальным вопросам, а также... для доведения до германских военных кругов информации о неизбежности для Германии длительной войны с Россией" [7, с. 136, 148]. То есть Сталин вел свою игру на максимальном высоком для себя уровне. В этой логике есть место и полемике с Энгельсом.

В чем разошлись Энгельс и Сталин? Сталин предпринял попытку на теоретико-методологическом и конкретном уровнях отвергнуть подход Энгельса к оценке формирования внешней политики России в конце XIX века. На самом общем и для истории интересном основании, будто Энгельс в генезисе военных конфликтов учитывает преимущественно субъективные качества, мотивы творцов внешней политики. По Сталину, Энгельс забыл "на минутку о некоторых элементарных, хорошо известных ему вещах", об объективных факторах; межимпериалистические противоречия, классовые, социально-групповые интересы, опираясь, прежде всего, на личностные факторы. Поэтому он якобы "в общем, и целом" неверно оценивал формирование внешней политики. Сталин упрекает Энгельса за недооценку "в перечне причин, ведущих к мировой войне", фактора "империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья" [8]. Очевидно, Сталин считал межимпериалистические противоречия, в частности, колонизаторские устремления Германии фактором, определявшим конкретику политического курса Германии и других капиталистических стран того времени.

В конце 1930-х годов реализовывался план Сталина по созданию набора учебников по общественным наукам, начало которому положил "Краткий курс истории ВКП (б)" (сам Сталин назвал "Краткий курс" энциклопедией марксизма-ленинизма) и в который вошла "История дипломатии". Он занимался и проектом учебника по политической экономии, отражавшим его собственные представления об империализме. Акцент на примате объективных потребностей и интересов определенных социальных групп для него и был символом научного (марксистского) анализа пружин надвигающейся войны. Неотвратимые объективные необходимости не оставляли места для доктринальных, концептуальных, личностных, нравственных и пр. измерений внешнеполитического процесса, генезиса войны. По схеме такого рода Германии не следовало нападать на СССР. Ведь, по логике Сталина, основное поле интересов этой страны, сфера, где решаются вопросы "борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья", лежало в другом направлении. Упрек в адрес Энгельса за упущение последней роли Англии, "как фактора грядущей мировой войны, "и момент противоречий между Германией и Англией" [там же], представляется, выдает прогноз Сталина, что события в Европе в 1941 г. развиваются, скорее всего, в сторону военного разрешения противоречий между Германией и Англией.

Можно по-разному квалифицировать такой подход, например, как доктринерство. Важнее, однако, ошибка научная, лежащая в сфере методологии. Из виду были упущены конкретные идеология фашистов, методы их политики, понимание проблемы колоний для Германии 1939-1941 гг., а также характеристики лиц, определявших ход внешней политики Германии в той же мере, что и деятели, о которых писал Ф. Энгельс.

Сталин, может быть, ощущал, что его упреки в адрес Энгельса не очень весомы; он называет такую логику Энгельса "невероятной" [9]. На деле же Энгельс, не забыв объективных предпосылок определенной внешней политики и генезиса военных столкновений, в полной мере учитывал и субъективные качества лидеров государств и лиц, формировавших внешнеполитический курс держав. Подход Энгельса можно реконструировать так: учитывайте объективные факторы, но не забывайте и тех, кто делает политики, смотрите реальным фактам в лицо. Это Сталина не устраивало. Ему виделось, что во главу угла его контрагенты (и читательская аудитория) должны ставить имманентно действующие законы международных отношений,

которые с необходимостью реализуются во внешней и военной политике, зеркально отражая фундаментальные интересы государства, господствующих классов и групп.

Сталин был прав, считая вариант войны Германии против СССР элементарной ошибкой. Германскому капиталу нападение Гитлера и К⁰ на СССР, колонизация Востока действительно грозили смертельной опасностью, а народу - катастрофой. Но это обнаружилось только в результате проигранной фашистами войны. Сталин ошибался, полагая, что хозяева рейха исходят из трезвого, взвешенного (по образу и подобию сталинского марксизма) анализа необходимостей эпохи. Ошибся он и в роли субъективного фактора при формировании ключевых решений внешней политики Гитлера, который до июня 1941 г. был не раз продемонстрирован. То, что Сталин отодвигал на задний план, как несущественное, Энгельс призывал видеть таким, каким оно представало в действительности.

Сталин следовал вульгарно-материалистическим представлениям, свойственным людям со складом ума, далеким от научного. Два года раньше эти качества он продемонстрировал в четвертой главе "Краткого курса" (раздел "О диалектическом и историческом материализме"). И в этой связи описанный "кейс" подпадает, очевидно, под разряд "парадигматических" (в смысле, вкладываемом в это понятие Б. Флибергом, в недавно опубликованной нашим журналом статье [10]) - в роли науки при принятии ключевых решений первыми лицами государств.

Под анализ реальных политических процессов Сталин материалом полемики с Энгельсом попытался подвести солидный теоретический фундамент. Он не скрывал желания создать видимость, будто проводимая им политика игнорирования данных о надвигающемся нападении Германии имеет научное, марксистское обоснование, - что в глазах Сталина было претензией на мудрость. И то, и другое ему не удалось. Сталин грубо просчитался. Его теоретическая ошибка добавила еще несколько миллионов жертв к и без того не короткому списку погибших во имя сталинского "социализма". Подогнав под свои взгляды, чреватые национальной катастрофой, теорию, Сталин пожертвовал истиной. За этой жертвой пришло время жертв человеческих.

Однако читающего эти заметки, на мой взгляд, может заинтересовать не решение "треугольника" Сталин - Энгельс - Гитлер (или в ином порядке). Особенно с учетом того, что на дворе 2005 год. Но рассмотренный треугольник и все, что за ним последовало, могут сказать, - это чистый постмодерн, это Э. Гофман, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и т.п. Сталин посредством критики Энгельса пытается толковать намерения Гитлера, возможные комбинации пар сторон данного спора: кто с кем и против кого и т.п., выглядят именно так.

Однако суть данного "изучения случая" (case-study) - не только причины просчета Сталина во внешней политике в канун 22 июня. Его доктринерство вело к произвольным, безжизненным, основанным на схеме потугам прогноза развития событий. Сталин подобен в этом эпизоде верующему, силой молитвы отгоняющему неотвратимо надвигающееся стихийное бедствие. Его взгляд на вещи опроверг своими действиями Гитлер. Но Сталин все же пытался подводить науку под свою политику, что, можно утверждать, после него никто из отечественных лидеров не делал. Да, были Программы КПСС, на эту роль претендовавшие. Но итог им подвел марксист Ю.В. Андропов; лидеры страны не знали общества, которым руководили.

Пусть Сталин "был не прав". Но ведь был прав Энгельс, предупредивший о необходимости взвешенного учета субъективного облика руководителей страны - возможного агрессора. Ситуация мая 1941 г. конгениальна ситуации, сложившейся в России вокруг наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Правда, критики Маркса и Энгельса сейчас опровергают по большей части так называемый марксизм-ленинизм Сталина. Эти критики - сами наследники Сталина, поскольку они опровергают не реального Маркса, а его негодных последователей, приверженцев сталинизированного прочтения учения Маркса.

В прямой связи с многолетней традицией анализа событий кануна Великой Отечественной войны советским обществоведением стоит забвение усилий Сталина с

помощью большой теории опровергнуть мнения об угрозе приближавшейся войны. Еще в макете соответствующего тома собрания сочинений Сталина статья помещалась в ряду работ 1934 г. Попытку Сталина с негодными средствами, якобы научно, якобы марксистски прогнозировать вероятность нападения Гитлера на СССР, по-видимому, стыдливо скрывали. Конечно, за марксизм обидно. Но ведь подлинный марксизм и тогда и позднее был предан забвению.

Да и вообще в нынешних условиях, может быть, о роли большой теории в политике говорить излишне - постмодерн, как никак. И действовать надо, как во времена царя Бориса - ломать через колено? Обойтись оценками информационно-аналитических служб, экспертов, благо, штатные расписания их пока терпят. Но в этом случае несопоставимы стоимость услуг аналитиков и цена исторических ошибок (несть им числа в последний период отечественной истории).

Парадигматичен "кейс" Сталин-Энгельс-Гитлер в смысле научного анализа. Максимальная объективность, критическая проверка на отсутствие элементов заинтересованности, пристрастия, предвзятости, видимо, здесь проходит граница между научностью и ненаучностью, между, в частности, марксизмом и немарксизмом. Фундамент марксистского видения мира в безжалостном пресечении собственных симпатий и антипатий в стремлении видеть вещи такими, какие они есть.

Преемники Маркса, оказавшиеся у власти, были озабочены не реалиями состояния общества, которым они управляли, а тем, какой ярлык на него наклеить: социализм, коммунизм, развитой социализм. Ярлыков и в последний период истории России изобилие: "народные депутаты", "приватизация", "социальное государство", "безопасность", "восстановление конституционного строя" и т.п. Не просматривается только серьезной теории развития событий в мире, в России и вокруг нее. Теоретическая работа подменена аналитикой, экспертными заключениями, информационными записками. Результат политики такого калибра катастрофичен, как и после 22 июня. Страны, победившей в 1945-м, не стало, народ в России все убывает числом. Ульриху Беку взять бы на заметку: "общество рисков", генерируемых властью, так и не научившейся сочетать решение сиюминутных проблем с долгосрочной стратегией национального развития, если не спасения.

При поддержке РГНФ (грант № 03-03-00057а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. И. Сталин. О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" // Большевик. 1941. Май. №9. С. 1-5.
2. РГАСПИ. Ф. 558, Ед. хр. 3150. Л. 1.
3. Там же. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 60-61 (Запись беседы в Институте красной профессуры со Сталиным, декабрь 1930 г.). Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 871. Л. 81. Ед. хр. 760. Л. 21.
4. Вишнёв О.В. 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 48, 56.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 11-е изд., дополненное по рукописи автора. Т. 1. М., 1992; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 31-43; Севастьянов Е.И. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. - июнь 1941 г. М., 1981. С. 210-211; Розанов Г.Л. Сталин - Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939-1941 гг. М., 1991; Бережков В.М. Просчет Сталина // Международная жизнь, 1989. № 8; Вишнёв О.В. Указ. соч., с. 79-94 и др.
6. См., напр., Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия. И.В. Сталин: Политический портрет.
7. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля М., 1996
8. Большевик. 1941. № 9, с. 4.
9. Там же, с. 2.
10. Фливерберг Б. Кейс-стади в контексте количественно-качественной проблематики // Социол. исслед. 2004. №9, с. 15-19.